

Захаревич И.П.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Введение. Устойчивость и своеобразие культуры во многом определяются традиционными системами ценностей. Понимание особенностей традиционных систем — достаточно значимая из множества задач в осознании прошлого и на пути оптимизации ценностных ориентиров для дальнейшего развития человеческой цивилизации.

В традиционной восточнославянской культуре были выработаны основные идеалы, нормы и правила жизни людей, которые, несмотря на многочисленные трансформации, с течением времени перешли в мировосприятие русского, белорусского и украинского народов.

Сегодня под влиянием культивируемых в современном обществе ценностей потребительства и гедонизма происходит размывание и утрата традиционных ценностей представителями восточнославянских стран. Изменение исторической действительности приводит к значительному искажению идеалов производительного труда в реальной жизни, и практика труда может прийти в резкое противоречие с устойчивыми идеалами.

Данная ситуация и актуализирует рассмотрение традиционных представлений белорусского, русского и украинского народов о месте и роли труда, а также отношения к богатству и материальному благополучию в системе традиционных ценностей восточнославянской культуры.

Отношение к труду рассматривается как отражение базовых ценностей восточнославянских народов — религиозности, открытости культуры, доброты, противоречивости, стремления к абсолютному идеалу, склонности к жертвенности, бескорыстия.

Развитие культуры восточных славян происходило в часто экстремальных условиях пограничной ситуации (в прямом и экзистенциальном смысле этого выражения). Она не могла ориентироваться на создание ухоженной, благоустроенной, бюргерской среды обитания, ибо таковая постоянно разрушалась. Бесконечные войны и социальные потрясения оставили свой след в развитии восточнославянской культуры.

В таких условиях душу, ум и сознание русского интеллигента больше волновали не проза жизни и частные проблемы, но великие, вечно открытые вопросы смысла бытия отдельного индивида и неисповедимые судьбы несчастного родного Отечества, страдания которого он переживал как свои собственные. Смысл индивидуального существования виделся не в устроении собственного материального благополучия, хотя естественное стремление к нему не отвергалось, но прежде всего в спасении души, в сотериологии, в памяти о жизни вечной, которая последует за временной земной, в приоритете духовных ценностей перед остальными [1, с. 57].

Кроме того, по мнению профессора Ч. Кирвеля, одним из фундаментальных факторов исторической судьбы народов, определяющих основные векторы их социокультурного развития, является природно-климатическая среда. «Негативное отношение к богатству и осуждение накопительства, приверженность к аскезе и этике самоограничения, соборность, коллективизм («всем миром»), служение Отечеству, державе, приоритет общественных интересов над личными заботами, широта натуры и постоянное стремление к справедливости, духовности и т.д. — все эти качества, свойственные русскому народу, были жизненно необходимы в его суровых природно-климатических условиях существования, и, само собой разумеется, формировались они под их непосредственным воздействием и влиянием» [2, с. 29–30].

Еще одним важнейшим фактором, оказывающим мощное влияние на развитие народов, является тип религии, который они выбирают. Та или иная религиозная этика лежит в основании всех институтов цивилизации, есть она и в сфере экономической.

Христианская этика придает огромное значение нравственной активности человека в мире, но западное и восточное христианство формируют различные типы цивилизаций, предлагая разные практические импульсы к действию человека в хозяйственной, социальной и политической сферах. Западная экономико-центристская модель гражданского общества основана на этике индивидуализма — «этике автономных индивидов, связанных отношениями обмена» [3, с.116-117]. Система нравственных ценностей западной культуры формируется вокруг автономной личности, не связанной определенно с какими-то социальными структурами.

Восточно-христианская этика в отличие от западной — этика коллективизма. Система православных нравственных ценностей изначально ориентирована на индивидов, объединенных коллективными нравственными ценностями, общественным идеалом. Она формирует гражданское общество не через индивидуальные, а через коллективные формы активности, через невидимую духовную, нравственную связь человека с обществом. Н.О. Лосский замечает: «К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит чуткое восприятие чужих душевных состояний...» [4, с. 258]. Далее он пишет: «Даже в среде крупной буржуазии, среди богатых промышленников и купцов, были настроения, показывающие, что они как бы стыдятся своего богатства и уж, конечно, сочли бы кощунством называть право собственности «священным». Среди них было много меценатов и жертвователей больших сумм на различные общественные учреждения. Вспомним, например, такие имена, — как Третьяковы, Морозовы, Мамонтов, Шаняевский, Серебряков, Щукин, Рябушинские» [4, с. 250].

По словам А.В. Карташева, основной метод православной этики — «духовное, интимное воздействие на верующие сердца» [5, с. 244]. Поэтому в обществе согласно аксиологическим ориентирам православной культуры должен царствовать не закон, а этика человеческой взаимопомощи, что в свою очередь формирует у личности осознание социокультурной идентичности, своей нераздельной принадлежности к обществу. При этом нравственный закон понимается уже не только как норма личного поведения, но и как основа общей нравственной жизни.

«В своей массе у восточного славянина отсутствуют те качества, которые позволили бы ему стать преуспевающим капиталистом. У него нет ни слишком большой любви к деньгам и материальному преуспеванию, ни развитой сноровки к обогащению. Он не собственник по натуре. Поэтому путь капитализма для него является самым тупиковым и бесперспективным. Общественно-государственная собственность, пожалуй, ближе ему. Бесплезно спорить, хорошо это или плохо, но так исторически сложилось.

Даже на Украине, которая расположена в слегка более благоприятных климатических условиях, практические попытки осуществить капитализацию экономики обернулись чуть ли не полным разрушением накопленного промышленного потенциала. Это во многом произошло потому, что украинскому народу присущ в целом тот же тип ментальности, что и другим восточнославянским народам, сформировавшийся в силу их единой исторической судьбы и длительного совместного развития» [6, с. 177].

Отношение восточного славянина к производительному труду на родной земле всегда было как к свободному, почетному и главному источнику жизненного благополучия. Более того, необходимость труда как средства существования определяли его важность для оценки репутации человека. Умелому, трудолюбивому человеку прощались многое: тяжелый характер, пьянство, неопорядочность и даже воровство, по крайней мере, до тех пор, пока отношение к труду укладывалось в рамки стереотипов.

Необходимо заметить, что одним из составляющих устойчивого

Захаревич Ирина Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Брестского государственного технического университета

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

стереотипа является представление о неспособности русских к систематическому труду и – как следствие этого – лениности, бескорыстия, стремления к одушевлению, облагораживанию даже самого тяжелого труда. Смена напряженного труда длительными периодами отдыха давали основания для распространенного обвинения русских в лениности и недобросовестности. Однако факты свидетельствуют об обратном. Положительное отношение к труду, высокие трудовые навыки русского народа были отмечены историками С.М. Соловьевым, Н.М. Карамзиным, Д.И. Иловайским, В.О. Ключевским и др.

К тому же, разве можно называть ленивым народ, который (в отличие от благоустроенного бюргерского Запада) вынужден был жить в условиях резко континентального климата на огромных территориях, постоянно находясь в экстремальных состояниях (войны, революции, восстания, бунты, перестройки и т.д.). Как правило, подобная критика основывается на том, что политико-экономическое «отставание» России от западных стран рассматривается как результат инертности, безынициативности и иждивенчества в русском характере.

Часто в этом обвиняют православие, совершенно упуская из виду главное – мотив и цель труда. То, что в России действительно наблюдается некоторое отставание (хотя предпочтительнее было бы сказать своеобразие) в части материальных благ от Запада, совсем не свидетельствует о недееспособности и лениности русского народа. Здесь иные мотивы деятельности. И православие, действительно, в значительной мере их формирует. Для христианской этики характерно понимание труда как способа стяжания благодати. Труд выступал одним из главных средств к спасению души. Сам по себе труд не является безусловной ценностью. Он является благословенным, когда являет собой соработничество с Богом и способствует исполнению его замысла о мире и человеке.

В православном мировоззрении существует иерархия ценностей, где на первом месте стоят ценности духовного плана (святость, спасение, обожение, трезвение). Вместе с тем в православии нет отрицания материального начала: оно занимает положенное ему место в духовной вертикали, и православие учит правильно относиться к нему. Так, например, труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам и удовлетворение греховных потребностей плоти.

Для восточного славянина важен, прежде всего, нематериальный стимул. Он не будет трудиться исключительно во имя материального благополучия, но всегда во имя идеи – либо православной, либо коммунистической, либо еще какой. Главное, что русского человека стимулирует на труд, – то, что лежит по ту сторону материального. Эта жертвенная устремленность восточных славян столетиями укреплялась в глубинах народной души, укладывалась пластями в коллективное сознание, формируя специфику менталитета.

В целом восточные славяне относятся к тем народам, для которых ориентация на потребительство и материальное процветание никогда не выступали главной целью в жизни. Они скорее склонны вдохновляться великими идеями, способными преобразовать мир, их всегда мучили и томили вечные духовные вопросы.

Естественно, говоря о духовности восточных славян, нельзя исключать и противоположной черты: личного материального интереса. Любой народ не может быть лишен материального интереса, «стремления к улучшению условий своей индивидуальной жизни», как не может он не иметь материальных потребностей и жить одной духовностью. Вопрос не в том, входит ли материальный интерес в национальный характер, а в том, какое место он занимает в этом характере. Полагаем, что у разных индивидов и социальных групп в различные исторические периоды и в разных ситуациях это место различно: материальный интерес может быть подавленным; подчиненным; обеспечивающим целостное развитие человека; преобладающим, когда он приобретает вульгарную, гипертрофированную форму.

Многие аналитики отмечают, что в современном обществе механизм развертывания потребностей начинает выступать как источник повышенной опасности и риска в существовании человеческой цивилизации. Паразитарное потребительство способствует обострению многих современных проблем в глобальных масштабах. Кроме того, задаются такие стандарты развития, которые способствуют усредне-

нию, обмельчанию многих достижений в различных сферах человеческой деятельности. Это связано с сугубо экономикоцентрической логикой общества потребления: долгосрочные перспективы, не дающие сверхприбыли здесь и сейчас, просто игнорируются. Не говоря уже о том, что все проявления человеческого бытия, прежде всего духовные, не переводимые в денежные эквиваленты, либо полностью отвергаются, либо обесцениваются назначением для них «своей» цены.

В разряд изгоев попадают феномены, которые упраздняют экономический подход в человеческих отношениях: жертвенность, любовь, альтруизм, милосердие, сострадание и т.д. Эти феномены в социальном плане являются более сложными, высокоорганизованными, требующими для своего воспроизведения колоссальных духовных, душевных, а также физических и материальных затрат, которые очень часто экономически никак не оплачиваются. Предпочтительной становится психология обмена: «Ты – мне, я – тебе». Эта формула проста, понятна, удобна в обращении, комфортна.

Однако такого рода отношения не являются самодостаточными и саморегулирующимися. Они требуют внешнего контроля, подпитки извне, что неизбежно породит тоталитарную форму регуляции человеческих взаимодействий как наиболее адекватную логике эквивалентных отношений.

В то же время обмен как формула человеческих отношений никак не согласуется с творческим началом в человеке. Творчество, предполагающее выход за пределы устоявшихся форм, безусловную избыточность, сверхусилия и сверхзатраты, постепенно будет вырождаться в псевдотворчество – бесконечную смену «упаковочного материала» давно известного содержания.

Заключение. На основе изложенного, можно сделать вывод, что для человека нашего сообщества (белорусского государства и в целом восточнославянской цивилизации) важно оценить происходящие в обществе процессы, осмыслить роль и значение в современной жизни традиционных для своей цивилизации ценностей, которые могли бы противостоять потребительно-технологической экспансии, наконец, определиться в выборе жизненной стратегии и рациональных установок социальной действительности. Общество должно прийти к пониманию, что без прочного нравственного основания успешное развитие экономики невозможно.

Кроме того, если говорить о возможностях модернизации хозяйственной культуры в восточнославянских странах, то нужно отметить, что православная этика коллективизма способна сформировать принципиально другую, в отличие от западного типа гражданского общества – «этико-центристскую модель» с ее ориентацией на общественный идеал, которая обладает очень высоким социально-политическим потенциалом. Логика высших ценностей, непродаемых и непокупаемых, может стать альтернативой всепроникающей потребительно-психологии.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Громов, М. Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М. Н. Громов // Вопросы философии. – № 1 – 1994. – С. 54–61.
2. Кирвель, Ч. Капитализация восточнославянских стран: утопический выбор или реальная перспектива? / Ч. Кирвель // Белорусская думка. – № 2. – 1999. – С. 27–34.
3. Василенко, И.А. Православная этика и цивилизационный архетип русской власти / И.А. Василенко // Трибуна русской мысли [Электронный ресурс]. – 2002. – № 2. – Режим доступа: <http://www.cisdf.org/TRM/TRM2/Vasilenko.html>. – Дата доступа: 25.09.2013.
4. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа / И.О. Лосский – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
5. Карташев, А.В. Церковь, история, Россия / А.В. Карташев. – М.: Пробел, 1996. – 302 с.
6. Кирвель, Ч.С. На пути к формированию постэкономической цивилизации / Ч.С. Кирвель // Славянская цивилизация: генезис, современность, перспективы (Совместная российско-белорусская монография). – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2004. – С. 169–190.

Материал поступил в редакцию 21.10.13

УДК [81'255: (811.161.3 + 811.161.1)]

Мхаян Т.М.

ПЕРАКЛАД СПЕЦЫЯЛЬНАГА ТЭКСТУ ЯК СРОДАК НАВУЧАННЯ ПРАФЕСІЙНА АРЫЕНТАВАНАМУ МАЎЛЕННЮ СТУДЭНТАЎ ТЭХНІЧНАЙ ВУ

Паскоранае развіццё навукі і тэхнікі, укараненне новых тэхналогій, павышэнне ўзроўню маўленчай дзейнасці патрабуюць ад вышэйшай школы падрыхтоўкі спецыяліста з развітымі навыкамі камунікацыі, які на высокім узроўні мог бы наладжваць зносіны ў прафесійнай сферы як на рускай, так і на беларускай мовах. Тыповая праграма «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» для вышэйшых навучальных устаноў прадугледжвае пераклад тэкстаў прафесійнай накіраванасці, або спецыяльных тэкстаў, з рускай мовы на беларускую. Асноўная мэта такога віду работы – выпрацоўка і замацаванне практычных уменняў граматычнага карыстання прафесійнай лексікай.

Да спецыяльных адносяцца навуковыя тэксты, галоўная мэта якіх – перадача пэўную інфармацыю інтэлектуальнага характару: светапогляд навукоўцаў, іх думкі, разважання, лагічныя выкладкі. Такія кампаненты, як «абстрактнасць, абагульненая падача матэрыялу, лагічнасць, дакладнасць у вызначэнні паняццяў, выразнасць выкладання» [1, с. 324], і складаюць навуковасць тэксту.

Пераклад спецыяльных тэкстаў з рускай мовы на беларускую (і наадварот) у працэсе навучання дазваляе вырашыць адразу шэраг задач:

- пашырыць лексічны запас студэнтаў;
- узнавіць веды па арфаграфіі і граматыцы беларускай мовы;
- павысіць культуру маўлення маладых людзей;
- скіраваць студэнтаў на грунтоўнае вывучэнне тэрміналагічнай лексікі па сваёй спецыяльнасці;
- пашырыць і ўзбагаціць прафесійны лексічны запас будучых спецыялістаў.

Для ажыццяўлення граматычнага перакладу навукова-тэхнічнага тэксту, захавання яго сэнсу і стылістыкі, акрамя лексічнага запasu і ведаў па граматыцы беларускай мовы, якіх усё часцей не хапае сучаснаму першакурсніку, патрэбна мець яшчэ і пэўныя веды па дысцыпліне, пытанні якой разглядаюцца ў тэксце-арыгінале. Значыць, патрэбна валодаць тэрміналагічнай лексікай па сваёй спецыяльнасці, паколькі «тэрміны ў галіне лексікі і формула ў галіне сінтаксісу з'яўляюцца тымі ідэальнымі тыпамі моўнага выражэння, да якіх непазбежна імкнецца навуковая мова» [2, с. 144]. Гэта неабходна для асэнсавання тэксту, для разумення і ідэнтыфікацыі навуковых паняццяў, ужытых у тэксце, таму што пераклад ствараецца не шляхам замены тэксту адной мовы тэкстам другой мовы, а ў выніку мысленчай дзейнасці чалавека па стварэнні новага тэксту, бо перакладаюцца не сказы, а думкі і меркаванні.

Практыка паказвае, што найчасцей перакладчыцкая дзейнасць студэнтаў I курса зводзіцца да фармальнай замены слова з рускай мовы эквівалентам з беларускай мовы, і ў выніку мы маем «тэкст», складзены з набору фраз і навуковых тэрмінаў, які часта нагадвае прадукт аўтаматычнага камп'ютарнага перакладчыка. А сэнс зыходнага тэксту застаецца нераспазнаным. Акрамя таго, адначасна парушэнні літаратурных нормаў, якія найчасцей сустракаюцца ў студэнцкіх пісьмовых перакладах навукова-тэхнічных тэкстаў: 1) пры перакладзе не ўлічваюцца арфаграфічныя, граматычныя,

сінтаксічныя асаблівасці беларускай мовы; 2) няведанне значэння слова прыводзіць да ўжывання навуковага тэрміна з неўласцівым яму значэннем; 3) ужываюцца русізмы. Так, выраз *колонна вончаецца капітэлю* першакурснік пераклаў на беларускую мову як *калона бярэ шлюб капітэлю*, сустракаем таксама *скрынка будынка* (коробка здання), *размяркоўваюць па цеплавым сетках* (замест *па цеплавых сетках*), *ахова навакольнай асяроддзя* (охрана асяроддзя), *распявае пра Брэсцкім замку* (расказывае пра Брэсцкім замке), *вага будынка значна паменшыўся* (вес здання значыць зменшыўся), *вывучаецца ў вузе* (па-беларуску трэба сказаць *вывучаецца ў ВНУ*), *забеспячэнне побытавых патрабаванняў* (замест *патрэб*), *меліярацыйныя сістэмы* (замест *меліярацыйныя*) і інш.

Улічваючы тое, што студэнты першага курса, як правіла, яшчэ не валодаюць тэрміналагічнай лексікай па сваёй спецыяльнасці, асабліва калі заняткі па мове пачынаюцца з першага семестра, а таксама для прадухілення адзначаных хібаў і памылак бачыцца карысным вырашыць наступныя задачы на занятках, што папярэднічаюць заняткам па перакладзе прафесійна арыентаваных тэкстаў і адводзяцца на вывучэнне спецыяльнай лексікі:

- вызначыць функцыянальнае прызначэнне мовы навукі, акрэсліць пласты лексікі, характэрныя для навуковага стылю мовы: агульналітаратурную лексіку, агульнатэхнічную лексіку і вузкаспецыяльную лексіку – уласна тэрміны;
- вылучыць важнейшыя асаблівасці тэрмінаў у параўнанні з агульналітаратурнымі словамі;
- даць характарыстыку тэрміналагічнай лексікі паводле паходжання, структуры, лексіка-граматычнай прыналежнасці, спосабах утварэння;
- скласці кароткі руска-беларускі слоўнік найбольш ужывальных тэрмінаў па сваёй спецыяльнасці.

Асабліва ўвага надаецца лексіка-граматычнай характарыстыцы тэрміналагічнай лексікі, каб адзначыць семантычную каштоўнасць як тэрмінаў-слоў, так і тэрмінаў-словазлучэнняў у межах навуковага тэксту. Так, навуковае паняцце або з'ява можа быць абазначана адным словам-тэрмінам ці словазлучэннем-тэрмінам, паколькі «фармальныя межы асобнага тэрміна знаходзяцца ў прамой залежнасці ад зместавых межаў тэрмінавага паняцця» [3, с. 62]. У большасці сваёй аднакампанентныя тэрміны прадстаўлены такімі самастойнымі часцінамі мовы, як назоўнікі, прыметнікі, дзеясловы і прыслоўі, прычым асноўную колькасць аднаслоўных тэрмінаў складаюць назоўнікі. І гэта невяпадкова, таму што назоўнікі называюць канкрэтныя прадметы (*дах, столь, акно, падмурак, водаправод, дарога, грошы, банк, вінчэстар, дылер, адаптар, мадэратар, архіватар, браўзер*), рэчывы (*лясок, цэгла, клей, цэмент, смала*), прыметы, дзеянні, стан (*мантаж, праектаванне, будаўніцтва, эскізаваанне, праход, святло, бізнес, крэдытаванне, меліярацыя, асушэнне, забеспячэнне, маніторынг*), дарэчы, некаторыя лексічныя адзінкі, што называюць прыметы, дзеянні, стан, адносяцца да мовы навукі, бо служаць для перадачы навуковай інфармацыі, але не

Мхаян Тат'яна Міхайловна, ст. прэподаватэль кафедры беларускага і рускага языков Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.